

Научная статья
УДК 94(470)“19/...”
doi: 10.54398/1818510X_2023_2_62

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОЧЕВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТАВРОПОЛЬСКИХ ТУРКМЕНОВ В XIX–XX ВВ.

Брусина Ольга Ильинична

Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия
brusina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0134-975X>

Аннотация. Целью данной работы является определение типа скотоводческого хозяйства и социума ставропольских туркмен, а также выявление основных факторов, которые влияли на трансформацию кочевого общества, и анализ устойчивости кочевых культурных традиций после кардинальной смены хозяйственного уклада. Статья построена на полевых материалах автора, на архивных источниках и данных литературы. В статье делается вывод, что образ жизни ставропольских туркмен в XIX – в начале XX в. соответствовал тем характеристикам кочевого общества, которые выдвинул А. М. Хазанов применительно к номадам Евразии. У туркмен, которые переселялись из закаспийских земель в ставропольские степи произошёл обратный переход от полукочевого к кочевому типу хозяйства в связи с целым рядом факторов. При этом туркменское общество возвратилось от характерной для закаспийских туркмен протогосударственной социальной структуре к родоплеменной патриархальной, присущей именно кочевым обществам. Кампания по насильственному переводу туркмен на оседлость во второй половине XIX в. показала, что традиции и свободный дух, присущие кочевой культуре, оказались очень сильны и живучи в сознании и привычках туркмен, которые не хотели и могли в силу отсутствия навыков начать заниматься земледелием. После большевистского переворота традиционный образ жизни туркмен был разрушен, в составе колхозов они были переориентированы на занятие земледелием. Однако некоторые черты кочевой культуры сохраняются у ставропольских туркмен и в современной жизни.

Ключевые слова: кочевое скотоводство, родоплеменные отношения, потестарные социальные институты, номадизм, культура кочевников, этническая группа, ставропольские туркмены, перевод на оседлость, трансформация хозяйственного уклада, социальная дифференциация

Для цитирования: Брусина О. И. Трансформация кочевого образа жизни ставропольских туркмен в XIX–XX вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 62–71. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_62.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE TRANSFORMATION OF THE NOMADIC LIFESTYLE OF THE STAVROPOL TURKMENS IN THE XIX–XX CENTURIES

Olga I. Brusina

Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Moscow, Russia
brusina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0134-975X>

Abstract. The purpose of this work is to determine the type of cattle breeding economy and society of the Stavropol Turkmens, as well as to identify the main factors influenced the transformation of the nomadic society, to assess the stability of the nomad tradition after the cardinal change of the type of economic. The research is based on the author's field materials, archival sources and literature data. It is concluded that the lifestyle of the Stavropol Turkmens in the XIX – early XX century corresponded to the characteristics of a nomadic society, which prof. A. M. Khazanov described in relation to the nomads of Eurasia. When the Turkmens moved from the Transcaspien lands to the Stavropol steppes, there was a reverse transition from a semi-nomadic to a nomadic type of economy among the Turkmens. At that the Turkmen society has returned from a proto-state social structure to a tribal patriarchal one. The events connected with the Sedentarization Campaign in the South of Russia (the second half of the XIX century) showed that the traditions and the "free spirit" of the nomads were very strong and significant for the Turkmens. They did not want to engage in farming and could not do it because of the lack of appropriate skills. After the revolution of 1917, the traditional mode of life of the Turkmens was destroyed, under the Soviet rule they were reoriented to farming as the participants of collective farms. However, some features of their nomadic culture are preserved among the Stavropol Turkmens in contemporary life.

Keywords: Nomadic cattle breeding, tribal relations, social institutions, nomadism, nomadic culture, ethnic group, the Stavropol Turkmens, transfer to settlement, transformation of the type of economy, social differentiation

For citation: Lidzhiya I. V. The Transformation of the Nomadic lifestyle of the Stavropol Turkmens in the XIX–XX centuries. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 62–71. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_62.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Целью данной работы является определение типа и характера скотоводческого хозяйства и социума ставропольских туркмен, исходя из теоретических разработок, предложенных выдающимся специалистом по номадизму профессором А. М. Хазановым [14; 15]. В основе данной статьи лежит предположение, что кочевой образ жизни подвержен трансформациям под влиянием различных факторов, будь то изменения климата, миграции на новые территории, влияние окружающих народов, воздействие государственных систем и социально-экономических преобразований. Кочевое общество предполагает особые социальные институты и отношения, которые отчасти трансформируются вслед за изменениями хозяйственного уклада, однако частично они сохраняются даже после кардинальной смены типа хозяйствования. На примере ставропольских туркмен в статье будет рассмотрена эта гипотеза и проанализировано, какие факторы влияли на трансформацию подвижного скотоводства у ставропольских туркмен, как менялись при этом социальные отношения в туркменском обществе, насколько устойчивыми оказались культурные традиции и социальные институты после полного изменения хозяйственной жизни.

Автор проводила полевые исследования в туркменских аулах Ставропольского края с 2007 по 2013 г. Методика сбора полевого материала включала свободные беседы с респондентами, интервью у экспертов — учителей, работников местных административных органов, сбор статистических данных. В Государственном архиве Ставропольского края и местных архивах были выявленные материалы, касающиеся истории этой этнической группы.

Первые сведения о туркменах, кочующих на территории России, относятся к XVIII в. Во второй половине XIX в. вышло несколько работ, в которых авторы публиковали результаты собственных наблюдений о различных сторонах жизни этой группы туркмен. Так, И. В. Бентковский писал статьи об их происхождении, численности, расселении, обычаях и обрядах [1]. В начале XX в. изучением ставропольских туркмен углубленно занимались И. Л. Щеглов, С. В. Фарфоровский, Г. Н. Прозрителев и другие авторы. В четырёхтомном издании И. Л. Щеглова содержатся обширные статистические и этнографические материалы о хозяйственной жизни туркмен [15]. С. В. Фарфоровский в своих работах описал различные стороны туркменского общества [11; 12]. Г. Н. Прозрителев показал бедственное социально-экономическое положение ставропольских туркмен в начале XX в. [8]. В ранний советский период авторы обращали внимание на проблему резкого сокращения численности ставропольских туркмен в связи с кризисом их скотоводческого хозяйства. Это выходец из ставропольского аула М. Тумайлов [10] и А. И. Ярхо, который провёл антропологическое обследование в Ставропольском крае 1920-е гг. [16].

Дипломное исследование «Ставропольские туркмены в конце XIX – начале XX в. (Историко-этнографический очерк)» (1976 г., КБГУ) жителя аула Шарахалсун, историка И. Т. Токалова, интересно тем, что автор представил этнографические материалы, которые он собирал среди своих соплеменников [9]. Исторические и этнографические сведения о ставропольских туркменах, история их изучения подробно изложены в книге А. В. Курбанова [6]. Различным аспектам исторического, социального, этнокультурного и демографического развития российских туркмен, посвящена работа О. И. Брусиной [2].

Основная часть

Изменение социальных отношений у туркмен после их переселения на территорию России

Первое документально зафиксированное переселение туркмен на территорию Российской империи произошло в середине XVII в., когда более полутора тысяч туркменских семейств с полуострова Мангышлак перекочевали большими родственными группами со своим скотом и имуществом через северный берег Каспийского моря на запад, в ставропольские степи [1, с. 185]. Туркмены относились к племенам, входившим прежде в Човдурский союз, — это были човдуры, игдыры, союнаджи и абдалы (последние остались в дельте Волги). Причина миграции — давление и нападения хивинских ханов, а также движение на запад калмыков, которые захватывали и отдельные группы туркмен. Вплоть до 1820-х гг. продолжались перекочевки туркмен из Закаспийского края в дельту Волги и далее на Северный Кавказ. Царское правительство даровало туркменам, согласно их прошениям, российское подданство и определило кочевать «под покровительством» калмыцких ханов [6, с. 21–30]. В 1825 г. в составе Ставропольской губернии было образовано Трухменское приставство, с тех пор туркмены получили возможность жить и развиваться автономно, занимаясь подвижным скотоводством.

У закаспийских туркмен фиксировалась развитая сословно-иерархическая структура, которая характеризовала раннюю государственность: управляли ханы, сердары и нукеры (военные вожди, всадники) отвечали за охрану хана, вели войны, беки осуществляли административную власть, были баи — богачи, а также разные категории скотоводов и дайхан [5, с. 137–185]. У поселившихся в ставропольских степях

туркмен сословные категории исчезли: «Они утратили всякое деление на сословия, по крайней мере, среди Ставропольских туркмен нет тех беков, биев, батырей, которые упоминаются в грамоте Императора Александра I на имя тухмена Пир гали Султана» [15, т. 1, с. 123]. Общественные отношения вернулись к патриархально-родовым институтам.

Понижение уровня социальной структуры связано прежде всего с изменением типа скотоводства в новых условиях. По словам Ш. Х. Кадырова, хозяйство большинства закаспийских туркмен всегда было комплексным, сочетавшим и земледелие, и скотоводство, последнее преобладало до XVII–XVIII вв. Кочевое скотоводство на прикаспийских территориях просуществовало до начала XX в., но и там значительная часть туркмен занималась нерегулярным земледелием у источников воды [5, с. 66]. Ставропольские же туркмены вели кочевой образ жизни и земледелием не занимались, сено не заготавливали как минимум до второй половины XIX в. [1, с. 213; 6, с. 88]. М. Тумаилов утверждает, что туркмены вели исключительно кочевой образ жизни вплоть до 1890 г. [10, с. 5]. То есть в новых условиях хозяйственный уклад туркмен изменился, они стали чистыми номадами. На такое явление указывает А. М. Хазанов, который пишет, что граница между чистым номадизмом и полукочевничеством была в евразийских степях не чёткой и обратимой [14, с. 123].

Представляется, что полный отказ от занятий земледелием обусловлен природными условиями Ставропольского края, позволяющими осуществлять круглогодичный выпас скота, наличием достаточных площадей пастбищных угодий, влиянием соседних кочевых народов (калмыков и ногайцев), а также относительной близостью к сёлам с земледельческим населением (русскими и украинцами), с которыми установился обмен продуктами и товарами. «В пищу шло мясо, молоко, кумыс. Изредка кочевник обменивал эти продукты на муку, причём за пуд мяса покупал 1–2 фунта муки, которой хватало ему на несколько недель» [10, с. 5].

Особенности кочевого образа жизни ставропольских туркмен

В конце XIX в. Туркменское приставство занимало территорию на северо-востоке Ставропольской губернии и граничило на востоке с ногайцами Терской области и калмыками Малодербентского улуса Астраханской губернии, с юга — с ногайцами Ачикулакского приставства и с запада — с крестьянскими сёлами. Туркменская степь с севера на юг до р. Кумы растянулась на 7 902 кв. вёрст. В 1861 г. площадь Туркменского приставства составляла более 822 960 десятин [9, с. 247].

В литературе образ жизни туркмен описывался как кочевой. Однако, учитывая относительно короткие маршруты весенних и осенних перекочёвок и наличие определённых мест летовок и зимовок, где скотоводы оставались на несколько месяцев, этот термин вызывает вопросы относительно второй половины XIX в. Расстояние от зимних до летних кочевий составляло 150–300 вёрст, этот путь обычно проходили за два месяца [1, с. 213], а у тех, кто кочевал южнее р. Кумы, — до 10 км [15, т. 1, с. 179]. Впрочем, А. М. Хазанов даёт следующее определение: при кочевом скотоводстве преобладающим занятием является экстенсивное подвижное скотоводство, а большая часть населения вовлечена в периодические перекочевки, причём протяжённость маршрутов очень сильно варьировала [14, с. 85, 129].

Характеризуя кочевое общество, А. М. Хазанов справедливо отмечает, что традиционная экономика никогда не была ориентирована на получение прибыли, хотя нередко — на обмен. Социальная организация кочевых скотоводов основана на родстве. Культура кочевых обществ обладает рядом характерных черт, связанных с подвижным образом жизни, особенностями социополитической организации, и рядом других факторов. [13, с. 26]. Действительно, скотоводческому образу жизни ставропольских туркмен соответствовал весь хозяйственно-бытовой уклад, включая тип жилища (юрта, в русских источниках — кибитка), систему питания и другие элементы материальной культуры, а также социальные отношения на основе родоплеменной структуры. В пределах своего приставства туркмены теоретически могли пользоваться пастбищами без ограничений как члены одного сообщества, однако права на занятие определённого пастбища хозяином определялись собственностью на колодцы [15, т. 1, с. 176–177]. Самостоятельное значение собственности на водные источники в некоторых кочевых обществах отмечал и А. М. Хазанов [14, с. 225].

На выделенной под кочевья земле туркмены располагались по племенам: сонаджи кочевали в долине р. Калаус, човдуры — по рекам Маныч и Айгур, игдыры — по р. Куме. Каждый родовой аул имел свой ареал пастбищ, свои маршруты передвижений, привязанные к колодцам — копаням (гуйы). С наступлением весны в марте небольшими родственными группами туркмены медленно уходили к летне-осенним пастбищам (яйлах) в районы Летней Ставки. Перекочёвка сопровождалась большим торжеством. Вместе со всеми от зимних пастбищ гышлак у Зимней Ставки двигалась канцелярия с приставом — образовывался огромный караван. Осенью совершали переход от летних пастбищ к зимним кочевьям у р. Кумы, где скот содержался на подножном корму [10, с. 246, 255–256].

В первые десятилетия XX в. немалая часть туркмен продолжала заниматься подвижным скотоводством. И. Л. Щеглов сомневается в применимости в начале XX в. к ставропольским туркменам термина «кочевники» на том основании, что на зимовках у р. Кумы у богатых скотоводов (глав аулов) уже были тёплые саманные или кирпичные дома, различные хозяйственные постройки, у других членов аулов —

базы (загороди для скота, в центре которых ставили кибитки). Впрочем сами туркмены ни возведением построек, ни сенокосением не занимались, а поручали это крестьянам из русских сёл. На лето главы аулов оставляли на зимовках русских работников — «дворников» для строительства, охраны и сенокосения [15, т. 1, с. 164, 169].

Родоплеменные институты самоуправления и социальное расслоение

А. М. Хазанов заметил, что кочевник пользуется правами на естественные ресурсы не в силу простого кочевания на данной территории, а в силу своей принадлежности к данному племени и его соответствующему подразделению [14, с. 259]. Этот тезис соответствует социальным отношениям ставропольских туркменов, у которых действовали потестарные институты на основе родоплеменных отношений. Подразумевалось, что все соплеменники — в какой-то степени родня, происходят от общего предка. В прошлом, по сохранившимся преданиям, общинами управляли родовые и аульные старейшины, которые наиболее важные решения принимали на своих советах *маслахадах* [7, а. Шарахалсун, 2012, 2013].

Российская администрация взаимодействовала со ставропольскими туркменами на принципах «косвенного управления» и, контролируя финансовую сферу, минимально вмешивалась во внутреннюю жизнь весьма замкнутой и обособленной этнической группы.

В административном отношении туркмены входили в Трухменское приставство во главе с чиновниками: приставу и двумя помощниками на Летней и Зимней ставках. К началу XX в. центром управления туркменами стала Летняя Ставка (место летних кочевий), где находилась резиденция пристава туркменского народа, квартира его помощника и писцов, квартира доктора, инородческое училище и другие казённые заведения. А Зимняя Ставка была расположена по берегу Кумы, в урочище Джелань, там находилась резиденция помощника пристава [9, с. 250].

Российское государство опиралось на традиционные родоплеменные институты туркменов, возлагая ответственность на родовых предводителей, допуская коллективную ответственность по адатам. Административный контроль осуществлялся через лидеров каждого из трёх туркменских племён: човдур, игдыр и союнаджи. Эти племена сохраняли определённую независимость друг от друга и имели одинаковую внутреннюю структуру самоуправления, что не допускало давления одного племени на другое, выдвижение какого-либо из них в качестве старшего, главенствующего племени-гегемона. Были введены выборные оплачиваемые из казны должности старшин, аксакалов (почётных стариков), «выборных», а также кадиев (судей) [15, с. 125; 8, с. 580; 11, с. 251]. Старшины, выбираемые по одному в каждом ауле (изредка от двух аулов), подчинялись приставу и должны были предоставлять сведения о числе кибиток (семей), о месте кочёвок, о сборе и раскладке повинностей и податей [9, с. 250]. Большая юридическая власть в принадлежала духовным лицам — кадиям *кади*, их деятельность контролировались мухтассинами (несколько мулл). Бракоразводные и другие дела решались по шариату. Крупные дела должны были представляться самому кавказскому муфтию на заключение [12, с. 14]. Для разбора гражданских дел у туркменов существовал третейский суд — *маслахад* или *генеш* (совет старейших членов рода), судивший на основе обычного права (*адата*) [9, с. 250].

Вплоть до 1917 г. родоплеменные потестарные институты продолжали доминировать, ставропольские туркмены по-прежнему жили замкнуто, изолированно от окружающего населения и административных органов, что отмечали исследователи: «Изолированные законом и обычаями, они живут особняком от окружающего их населения» [11, с. 249]; «Сохранив свою самобытность ... эти народности (туркмены и ногайцы. — Прим. О. Б.) тем самым отстранили себя от культурного влияния более сильного народа (русских. — Прим. О. Б.)» [8, с. 249].

Хотя по Положению об управлении туркменским народом полагался выборный голова [8, с. 580; 15, с. 122], ни у этих авторов, ни у других, ни у опрошенных информантов не удалось обнаружить никаких сведений, кем был голова — ни персонально, ни по племенной принадлежности. Похоже, что должность головы — это «изобретение» российских чиновников, которое не вызвало никакого отклика у туркменского общества. Каждое из трёх туркменских племён сохраняло автономию и вряд ли согласилось бы подчиниться представителю другого племени. Эта социальная структура нашла отражение в принятой системе учёта туркменского населения: в конце XIX – начале XX в. велись «посемейные списки» по каждому оседлому аулу, а также по каждому из трёх не прикрепленных к земле «обществ» отдельных родов: човдунова, игдырова и союнаджиева [2, с. 32–33].

У А. М. Хазанова есть объяснение этому: племя у кочевников является социальной единицей и обозначает верхние рубежи дискретной социальной организации, поскольку производственный цикл при кочевом скотоводстве обеспечивается уже на низших уровнях социальной организации. Отдельных хозяйств и общин различных порядков достаточно для оптимального выпаса скота, утилизации естественных ресурсов, необходимой взаимопомощи и кооперации. Наличие более высоких уровней организации у кочевников не вытекает непосредственно из производственного процесса. Однако номады никогда не составляли закрытого общества и политические функции племени проявлялись именно в его противостоянии внешнему миру [14, с. 256–260].

Так произошло и со ставропольскими туркменами. К началу XX в. в результате развития в России капиталистической экономики и её проникновения в туркменское общество обозначилось имущественное расслоение, выделились богатые скотоводы, занимавшиеся разведением коней на продажу, в том числе для российской армии. Однако социальной дифференциации при этом не произошло, даже в отчёте о Туркменском приставстве за 1910 г. прямо сказано, что «Привилегированных сословий между ними нет» [4, л. 6]. Это особенность соответствует принципам кочевого общества, согласно А. М. Хазанову: «Исходя из структуры и принципов функционирования кочевого общества, его потребности меньше всего могут способствовать закреплению социального неравенства», — пишет учёный [14, с. 274]. Независимое существование кочевого общества возможно лишь в том случае, если оно до определённой степени будет сплочённым и консолидированным, если общественные потребности и интересы в нём будут преобладать над частными и групповыми. Это обстоятельство является серьёзным барьером для развития социальной и имущественной дифференциации. Руководящий слой в подобных обществах не только по форме, но и по существу является выразителем общественных интересов [14, с. 275].

У туркменов имущественное положение богатей обуславливало их социальный статус в традиционной системе соподчинений по принципу «старшие» и «младшие» родственники. В общественном сознании общество делилось не на классы, а на роды и племена. Так, богатейший коневод Муса Аджи из племени човдур, известный как «туркменский князь», демонстрировал ответственность за всех своих сородичей и действовал, по преданиям, в интересах всего народа: платил за туркменов дань, сооружал перерабатывающие предприятия, в частности мельницу, где разрешал туркменам бесплатно молоть зерно, давал им работу, обеспечивал водой, пробурил скважину. В его лице у туркменов в 1910-х гг. появился не племенной, а этнический лидер, который получил свой статус по имущественному критерию и личной деятельности, что являлось новациями для традиционной социальной системы [2, с. 39–52].

Таким образом, туркменское общество сопротивлялось навязанному единоначалию как надплеменному уровню самоуправления, а также социальному расслоению, причём отчасти даже по инерции, после того, как развернулась государственная политика по переводу кочевых народов на оседлость.

Кочевое общество и политика седентаризации

С середины XIX в. российское правительство стало вмешиваться в обособленную жизнь туркменов, как и других народов, конструируя оседание и насильно внедряя изменение традиционного хозяйственного уклада (подвижного скотоводства) в соответствии с «государственными интересами», однако последствия этой кампании оказались отнюдь не такими, как их планировали проектировщики. Политика отторжения пастбищных угодий у туркменов и перевода их на оседлый образ жизни была связана с тем, что с 1860-х гг. в ставропольские степи стали переселяться русские крестьяне, для устройства которых выделялись земли, используемых кочевыми народами под пастбища. Так, в 1878 г. из земель туркменов было изъято 42 235 дес. для устройства крестьян, образовавших с. Арзгир, а с 1905 по 1909 г. — на устройство 11 новых крестьянских селений. Если в 1881 г. Туркменское приставство занимало 925 229 дес. земли, то на 1909 г. у туркменов осталось 783 604 дес. [9, с. 248].

Кампания по переводу туркменов на оседлый земледельческий образ жизни не привела к желаемым результатам и не имела успеха. Туркмены крайне неохотно расставались со скотоводческим образом жизни. И И. Л. Щеглов, и Г. Н. Прозрителев обращали внимание, что первые построенные за счёт казны оседлые туркменские аулы были заселены казанскими татарами, а также отдельными русскими семьями под видом туркменов и с их согласия. Узнав, что в Туркменской степи бывшим кочевникам дают наделы до 30–40 дес. на душу мужского населения, татары стали переезжать на Ставрополье. Так как среди самих туркменов было мало желающих жить стационарно, они выдавали пришельцев за своих родственников, «приписывая к своей земле», пользуясь сходством в языке. Так возник аул Малый Барханчак и др. [15, с. 194; 8, с. 581].

В условиях сокращения пастбищных угодий вследствие их изъятия, а также из-за антропогенного опустынивания Туркменских степей [16, с. 26–29] происходило неизбежное уменьшение поголовья скота, росло число обедневших, т. е. лишившиеся скота туркменов, которые были вынуждены отказывались от кочевого образа жизни. Однако они не становились земледельцами, и при малейшей возможности вновь возвращались к скотоводству: «Туркмены, изъявившие желание поселиться, приходили и расходились, делаясь кочевыми», как только получали в распоряжение скот. Такая ситуация продолжалась до 1905 г., хотя и позднее «ещё многие продолжают держаться старого. И только дороговизна юрты и неимение средств заставляли переходить на жительство в дома, на постройку которых и обзаведение хозяйством выдавалось пособие» [8, с. 581]. Основу оседлых аулов составляли бедняки, среди них распространилась массовая практика получать средства для существования, сдавая крестьянам в аренду свои наделы. Хотя цены на землю в этот период сильно поднялись, неопытным туркменам часто доставалась лишь малая часть рыночной стоимости. Они сдавали в аренду русским крестьянам участки под распашку за 1/3–1/5 долю урожая [6, с. 100]. М. Тумаилов свидетельствует, что к 1914 г. многие туркменские хозяйства ещё плохо обрабатывали землю, но система сдачи земель в аренду давала им средства к существованию. Однако из-за неумения сдавать землю, хозяйства подвергались обману со стороны арендаторов [10, с. 8].

По официальным данным, в начале XX в. в Ставропольском крае считались осевшими более двух третей туркменов. Там, в 1907 г. из всех 15 113 туркменов около 11 500 числились оседлыми, из них 6 641 человек мужского пола — каждый имел 30 десятин под распахку. Всех туркменов-кочевников насчитывалось 98 аулов, или 715 кибиток с населением 3 731 человек [15, с. 181, 203; 12, с. 24]. Впрочем, С. В. Фарфоровский отмечает: «И поселённые аулы доселе в большой степени занимаются скотоводством» [12, с. 24]. В оседлых аулах туркмены обосновывались по племенам, например аулы Шарахалсун, Антуста, Собан были заселены только представителями племени союнаджи, аулы Чур, Маштак Кулак — племени човдур, аул Эдельбай, Баштанта — игдырами. По данным 1909 г., у ставропольских туркменов было до 20 аулов, насчитывающих от 10 до 250 дворов [9, с. 248–249].

У осевших туркменов отмечалось антисанитарное состояние жилищ, резко понизилось качество пищи, среди них распространялись инфекции [15, с. 202–203; 17, с. 256; 10, с. 5–6]. Это объясняется тем, что кочевой образ жизни требовал совсем иных навыков, чем оседлый: «Туркмен не привык к чистоте, которая требуется в условиях оседлой жизни, ибо он, как кочевник, раньше жил на открытом воздухе. Теперь, попавши в хату и не зная элементарных требований гигиены, он жил в ней с многочисленной семьёй в самых антисанитарных условиях» [10, с. 17].

Г. Н. Прозрителев сообщает, что власти предоставляли бывшему кочевнику обычный крестьянский дом с русской печью, опыта пользования которой у туркменов не было. Дрова на зиму не привыкли заготавливать, для очага в юрте традиционно использовали сухой кизяк, который не подходил для печи. В домах было гораздо неудобнее и холоднее, чем в компактной юрте. Люди мёрзли, простужались, болели. Часто, желая сохранить тепло, печную трубу закрывали и тогда отравлялись угарным газом, а если из-за боязни оставляли её открытой, всё тепло уходило, хотя огонь горел. Печку стали бояться, говорили, что в ней живет шайтан, который гудит в трубе и может задушить [8, с. 583–584]. Вот описание стандартного саманного дома в туркменском ауле Эдельбай: «Дома все в одну комнату. Направо от двери — печка <...> в неё вмазан котел, где варится чай и пища <...> Вдоль передней стены стоит шкаф и лежит полоть на полу с подушками, перинами и сундучками <...> Стены пыльны, грязны. Потолка нет, вместо него земляная крыша. Нет и мебели» [12, с. 26]. Отмечались не только крайне низкий уровень жизни осевших туркменов, но и изменение их сознания, утрата нравственных ориентиров. «Устойчивых нравственных воззрений у туркмен нет, за исключением тех, кто ещё не порвал связи с прошлым кочевым образом жизни, когда им жилось легко и свободно на своих местах, и “опекуны” их не успели наложить своей тяжёлой руки на народность» [12, с. 27].

Из-за резкого снижения уровня жизни и качества питания, антисанитарных условий, осевшие туркмены страдали из-за недоедания, холода, болезней, среди них распространялись эпидемии. Смертность у поселённых групп превышала рождаемость, в то время как у кочевавших туркменов по-прежнему наблюдался прирост численности [17, с. 255]. При равной рождаемости смертность оседлых туркменов была выше приблизительно на 20 %, чем у кочевых [10, с. 17–18].

В период Первой мировой войны численность туркменского населения сохранялась на уровне 15,5–16,0 тыс. человек [3, с. 17], а поголовье скота стало резко сокращаться: с 138 тыс. голов в 1915 г. до 67,5 тыс. в 1917 г. [10, с. 8].

Результаты кампании седентаризации показали, что особенности кочевого быта и соответствующей родоплеменной структуры общества оказались весьма устойчивыми. Уклад жизни и «свободный дух», свойственный культуре номадов, мало изменились в ходе кампании по переводу на оседлый образ жизни, причём эти черты стали непреодолимым препятствием для её осуществления. В итоге жизнь переведённых на оседлость туркменов кардинально отличалась от той картины, которая рисовалась проектировщикам оседания: бывшие кочевники не стали земледельцами, не могли жить в стационарных домах крестьянского образца и обеспечивать себя за счёт пахотной земли, а только лишь сдавая за бесценок её в аренду. При этом они потеряли жизненные ориентиры и стали вымирать. То есть принуждение к оседлому образу жизни привело к явлениям фрустрации, болезням и росту смертности.

Разрушение скотоводческого образа жизни при советской власти

В ранний советский период в ходе социальных трансформаций, в период Гражданской войны голод, эпидемии, грабежи и притеснения других групп населения поставили ставропольских туркменов на грань выживания, их численность резко сократилась. Автономный образ жизни туркменов и кочевая система хозяйствования были разрушены. Слой богатых родоначальников был разбит или обращён в бегство в результате экспроприации и репрессий. К 1926 г. численность ставропольских туркменов, согласно статистике, уменьшилась по сравнению с дореволюционной почти втрое — с 12 000 до 5 000 человек. Многие бежали из родных мест за р. Куму в Дагестан, но большая часть убыли произошла за счёт умерших [10, с. 8–11]. Вторая волна беженцев на юг, в район прежних зимних кочевий, была вызвана коллективизацией. В этот период южнее р. Кумы были образованы, в частности, аулы Уллуби-Юрт и Махач [7, 2011, а. Уллуби-Юрт, а. Махач].

Относительно 1915 г. количество крупного и мелкого скота у туркменов в 1923 г. сократилось с 138 031 до 3 551 голов: если в 1915 г. на 10 человек приходилось 86 голов скота, то в 1923 г. — всего

6 голов [10, с. 8–9]. Хозяйства туркменов, отмечает Тумаилов, пострадали больше, чем русских, из-за «колонизаторских захватов», поскольку соседние крестьяне <...> грабили туркмен <...> причисляя их огульно к «враждебной нации». В результате «<...> хозяйство туркмен приняло не только прежний натуральный характер, но и явно потребительский» [10, с. 9].

В 1920-е гг. советская власть стала оказывать российским туркменам материальную, медицинскую и организационную помощь как пострадавшему национальному меньшинству. В 1917 г. вместо Туркменского приставства был учреждён Туркменский уезд, который в 1920 г. был преобразован в Туркменский район с центром в с. Летняя Ставка. Согласно кампании по «коренизации руководящих кадров», туркменов стали выдвигать на руководящие посты в своем районе и аулсоветах [3, с. 24–25].

Советская власть в то время легко проектировала различные переселения и передвижки оседлых аулов, учитывая, вероятно, подвижный образ жизни туркменов. В 1924 г. было принято решение о необходимости приближения к Летней Ставке трёх аулов, числящихся оседлыми ещё с XIX в.: Барханчак, Башанта, Шарахалсун с целью устранить «вклинивание русских поселков» и «территориальную разбросанность и отдалённость аулов от райцентра Летней ставки» [17, с. 259]. В реальности власти пытались переместить а. Шарахалсун, однако он несколько раз поднимался и откочевывал на свои старые урочища по р. Калаус. Лишь перед войной аул удалось поселить на новом участке [6, с. 68; 7, 2012, а. Шарахалсун].

От подвижного скотоводства к оседлому земледелию

С середины XX столетия туркмены были переориентированы на земледелие. В Туркменском и других районах Ставропольского края (Арзгирском, Благодарненском, Ипатовском, Нефрекумском), где располагаются туркменские аулы, в колхозах занимались главным образом хлебопашеством. Традиционный тип экстенсивного скотоводства ушёл в прошлое, а коллективное животноводство считалось не самым рентабельным делом.

В послевоенные десятилетия советское правительство озаботилось развитием овцеводства, особенно каракулевого, поскольку каракулевыми шкурки составляли в то время заметную статью экспорта. Кампания по разведению овец коснулась и Ставропольского края, однако власти привлекли не местных скотоводов, а овцеводов из соседнего Дагестана. Тем не менее, в начале 1980-х гг. в Туркменском районе было до 1 млн овец, причём только в одном колхозе, в который входили с. Кучерла и а. Шарахалсун, насчитывалось до 42 тыс. голов. Однако последние десятилетия овцеводство находится в упадке, численность поголовья неуклонно сокращается. В современных условиях животноводство в товарных масштабах признаётся невыгодным. В 2007 г. в Туркменском районе оставалось порядка 50 тыс. овец, из них в овцесовхозе, который выделился из бывшего колхоза, всего 8 тыс. голов [7, 2007, 2012, а. Шарахалсун, с. Кучерла].

Впрочем, в своих подсобных хозяйствах туркмены по-прежнему разводят скот. Это стоит в их приоритетах выше, чем садоводство или овощеводство, поскольку из мяса, как и раньше, готовятся разнообразные, в том числе ритуальные блюда, кроме того, животные используются в системе традиционного дарообмена, в различных обычаях и обрядах. По данным на 1984 г. в одном хозяйстве содержалось от 10 до 50, реже — до 100 овец каракулевой или испанской породы; 4–5 голов крупного рогатого скота имела практически каждая туркменская семья, как и овец, коз, домашнюю птицу [6, с. 113–114]. К 2010 г. количество скота в личных хозяйствах изменилось мало: одна семья содержит в среднем от 20–30 до 50 овец, от 1–2 до 10–15 голов крупного рогатого скота, иногда имеются одна или несколько лошадей. У местных фермеров-туркменов число голов крупного рогатого скота не превышает 15–20. Скот кормится на пастбищных угодьях, находящихся в общей доле собственности жителей, — животных собирают в одно аульное стадо, которое хозяева пасут по очереди, либо нанимают пастуха [7, 2012, а. Башанта, 2013, а. Нижний Барханчак]. Верблюдоводство у ставропольских туркменов исчезло практически полностью.

После роспуска колхозов в 1992–1993 гг. пастбища остались в общем пользовании, а пахотную землю поделили на паи. Одна часть жителей вошла со своими наделами в совхозы зернового направления, организованные на базе колхозов. Другая часть взялась обрабатывать свою землю и выращивать хлеб самостоятельно как фермеры, собрав паи нескольких родственников. В начале XXI в. большинство ставропольских туркменов, оставаясь жителями аулов, заняты сельским хозяйством, преимущественно хлебопашеством на частных фермах и в сохранившихся коллективных хозяйствах, а также животноводством. Среди них значительна доля людей с высшим образованием, сельской интеллигенции — это учителя, врачи, работники административных органов.

Сохранение элементов кочевой общественной структуры в современной жизни

Дружные и сплочённые туркменские аулы по-прежнему живут автономно и замкнуто, что отмечалось даже служащими районной администрацией, поскольку туркмены не слишком стремятся к взаимодействию с органами власти, по привычке рассчитывая на самих себя. Ставропольские туркмены сохраняют в быту особые черты культуры и родной язык на основе старинного чавдурского диалекта туркменского языка. Именно внутри этой этнической группы, а также с астраханскими туркменами заключается большинство браков в силу культурной общности её представителей и территориальной ограниченности круга выбора брачного партнёра. Высокая степень консолидированности, характерная для российских

туркменов, обусловлена их привязанностью к родным аулам, наличием тесных налаженных связей между туркменскими аулами Ставропольского края и Астраханской области, а также контактами с Туркменистаном.

Социальная жизнь в туркменских аулах тесно переплетается с религиозной, мечети играют роль общественных центров, а муллы как авторитетные, уважаемые люди выступают в качестве советчиков и входят в советы старейшин как органы аульного самоуправления. По-прежнему актуально родоплеменное деление, которое играет свою роль в социальной жизни. В большинстве туркменских аулов компактно по-прежнему живут в основном представители какой-либо одного племени, каждое из которых имеет деление на уруги (ру). Так, жители аулов Шарахалсун и Сабан-Антуста относятся к союнаджи, аулов Чур, Маштак-Кулак, Юсуп-Кулак и др. — преимущественно к човдурам, аулов Эдельбай и Башанта — к игдырам, Уллуби-Юрт — к човдурам и игдырам, Махач — к союнаджи.

Традиционно туркменские племена считались эндогамными, а роды — экзогамными. И в наши дни сохраняется предпочтение жениться на представителях своего племени, но нередко встречаются и отклонения от этой нормы. В аулах имеют значение клановые связи, родственники часто возводят дома по соседству, в одном квартале, чтобы была возможность совместно заниматься хозяйством, помогать друг другу в быту, проводить семейные мероприятия. В прошлом каждый род состоял из нескольких семейно-родственных групп, которые использовали свою тамгу для клеймения скота, для обозначения жилища, в качестве подписи. Родовой знак отца передавался старшему сыну, а у младших к знаку добавлялось ответвление, немного изменявшее рисунок. До настоящего времени знак тамги вычерчивается на могильном столбике [7, 2012, а. Шарахалсун].

Родоплеменная сплочённость имеет функциональное значение, что проявляется, к примеру, на выборах кандидата в местные органы управления. Представители каждой туркменской народности предпочитают видеть во власти именно «своего» человека, поскольку это может облегчить доступ к административным и иным полезным ресурсам.

Выводы

В целом образ жизни ставропольских туркмен в XIX в. и даже в начале XX в. соответствовал тем характеристикам кочевого общества, которые обозначил в своих теоретических работах А. М. Хазанов применительно кномадам Евразии. В его трудах есть тезис об обратимости перехода от кочевого типа хозяйства к полукочевому из-за изменений условий жизни. Именно такой обратный переход к кочевому типу произошёл с туркменскими группами, которые переселялись из закаспийских земель в ставропольские степи с 1650-х до 1820-х гг. Переход от преимущественно полукочевого или полuosедлого типа к кочевому связан с целым рядом факторов. Во-первых, с природными условиями, позволяющими вести круглогодичный выпас скота на обширных территориях, во-вторых, из-за соседства с земледельческими народами, что дало возможность наладить взаимовыгодный обмен, в-третьих, сказалось влияние соседних кочевых народов — калмыков и ногайцев. Этот переход, а также относительная малочисленность группы (15–20 тыс. человек) обусловили возвращение туркменского общества от протогосударственной к патриархальной социальной структуре, характерной именно для кочевого общества.

Кампания по насильственному переводу туркмен на оседлость во второй половине XIX в. показала, что традиции и «свободный дух», присущие кочевой культуре, оказались очень сильны и живучи в сознании и привычках туркмен, которые не хотели и могли в силу отсутствия навыков переориентироваться на занятие земледелием. Перевод на оседлость коснулся беднейшей части туркмен, которые, впрочем, так и не стали хлебопашцами. Вынужденное оседание, связанное с сокращением пастбищных угодий, повлекло за собой резкое ухудшение уровня жизни и питания, болезни и эпидемии, разрушение жизненных ориентиров, фрустрацию населения и высокую смертность.

После большевистского переворота традиционный образ жизни туркмен был разрушен, их скот почти полностью уничтожен в период Гражданской войны из-за голода, бескормицы и грабежей, население оказалось на грани вымирания в 1920-е гг. При поддержке советской власти численность ставропольских туркмен стала увеличиваться с середины XX в.; в составе колхозов они были переориентированы на занятие земледелием. Однако некоторые черты кочевого скотоводческого общества сохраняются у ставропольских туркмен и в современной жизни. Так, продолжают играть определённую роль родоплеменная структура и институты самоуправления, которые имеют функциональное значение в социальной жизни аулов. В большинстве туркменских хозяйств содержатся по несколько голов крупного и мелкого скота, который выпасается в составе коллективных стад на общих пастбищах. В бытовой и обрядовой жизни туркмен скот имеет не только хозяйственное, но и важное ритуальное значение. Он используется в качестве подношений в сложной системе дарообмена, является основой популярных конных и других спортивных состязаний: бараны обычно выставляются в качестве призов и служат добычей. С приготовлением особых блюд из мяса связано исполнение различных ритуалов и обычаев.

Таким образом, элементы кочевой культуры оказались значительно более живучими, чем сами кочевой образ жизни и скотоводческий тип хозяйства, некоторые из этих элементов прослеживаются в бытовой и духовной культуре народа, который уже более 100 лет не занимается кочевым скотоводством.

Список литературы

1. Бентковский, И. В. Трухмяне, кочующие в Ставропольской губернии / И. В. Бентковский // Сборник статистических сведений Ставропольской губернии. — Ставрополь : Ставроп. стат. ком., 1869. — Вып. 2. — С. 181–216.
2. Брусина, О. И. Российские туркмены. Три века этнической стойкости / О. И. Брусина. — Москва : ИЭА РАН, 2019. — 372 с.
3. Василенко, Н. В. Переход к оседлости туркменского кочевого народа Ставрополя в годы строительства социализма / Н. В. Василенко // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX вв.: (проблемы социально-экономического развития). — Ставрополь : Ставропольский гос. пед. ин-т, 1980. — С. 16–20.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). — Ф. 249. — Оп. 2. — Д. 2511.
5. Кадыров, Ш. Х. Многоликий туркменчилик. Этнографические очерки, понятия и термины / Ш. Х. Кадыров. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2010. — 304 с.
6. Курбанов, А. В. Ставропольские туркмены. Историко-этнографические очерки / А. В. Курбанов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1995. — 240 с.
7. Полевые материалы автора. Ставропольский край, 2007–2013 гг.
8. Прозрителев, Г. Н. Гибнущий народ. Туркмены и их судьба / Г. Н. Прозрителев // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология. — Ставрополь : Ставропольский гос. ун-т, 2011. — Т. 3. — С. 576–585.
9. Токалов, И. Т. Ставропольские туркмены в конце XIX – начале XX в. (Историко-этнографический очерк) / И. Т. Токалов // Брусина, О. И. Российские туркмены. Три века этнической стойкости. — Москва : ИЭА РАН, 2019. — Приложение 1. — С. 239–294.
10. Тумайлов, М. Туркмены Северо-Кавказского края: (Краткий историко-этнографический очерк) / М. Тумайлов. — Полторацк (Ашхабад) : Туркменгосиздат, 1925. — 35 с.
11. Фарфоровский, С. В. Народно-юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии. Этнографический очерк / С. В. Фарфоровский // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология. — Ставрополь : Ставропольский гос. ун-т, 2011. — Т. 3. — С. 249–255.
12. Фарфоровский, С. В. Туркмены (туркмены) Ставропольской губернии / С. В. Фарфоровский. — Казань : Тип. Императорского Университета, 1911. — 42 с.
13. Хазанов, А. М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе / А. М. Хазанов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. — Москва : Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, 2022. — С. 26–42.
14. Хазанов, А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. — Изд. 3-е, доп. — Алматы : Дайк-Пресс, 2002. — 604 с.
15. Щеглов, И. Л. Туркмены и ногайцы Ставропольской губернии: сведения о хозяйстве оседлых и кочующих инородцев, русских крестьян и хutorян овцеводов в Трухменской и Ачикулакской степи Ставропольской губернии / И. Л. Щеглов. — Ставрополь : Деп. гос. зем. имущества, 1910. — Т. 1. — 529 с.
16. Ямсков, А. Н. Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюркоязычных народов Северного Кавказа / А. Н. Ямсков // Советская этнография. — 1986. — № 5. — С. 22–34.
17. Ярхо А. И. К вопросу о вымирании малых народностей (Демографические исследования среди туркмен) / А. И. Ярхо // Советская Азия. — Москва, 1931. — Кн. 1–2. — С. 245–262.

References

1. Bentkovskiy, I. V. Trukhmyane, kochuyushchie v Stavropolskoy gubernii [The Trukhmayne, wandering at the Stavropol province]. *Sbornik statisticheskikh svedeniy Stavropolskoy gubernii* [Collection of statistical data of the Stavropol province]. Stavropol: Stavrop. stat. kom.; 1869, vol. 2, pp. 181–216.
2. Brusina, O. I. *Rossiyskie turkmeny. Tri veka etnicheskoy stoykosti* [The Russian Turkmens: Three Centuries of Ethnic Resilience]. Moscow: IEA RAN; 2019, 372 p.
3. Vasilenko N. V. *Perekhod k osedlosti turkmenskogo kochevogo naroda Stavropolya v gody stroitelstva sotsializma* [Transition to settlement of the Turkmen nomadic people of the Stavropol province in the years of construction of socialism]. *Istoriya gorskikh i kochevykh narodov Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vv. (problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya)* [The History of the mountain and nomadic peoples of the North Caucasus in the XIX – early XX centuries (problems of socio-economic development)]. Stavropol: Ctavr. GPI; 1980, pp. 16–20.
4. *State Archive of the Stavropol Province*. Found 249, inventory 2, case 2511.
5. Kadyrov, Sh. Kh. *Mnogolikiy turkmenchilik. Etnograficheskie ocherki, ponyatiya i terminy* [The many-faced Turkmenchilik. Ethnographic essays, concepts and terms]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN; 2010, 304 p.
6. Kurbanov, A. V. *Stavropolskie turkmeny. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Stavropol Turkmens: Historical and Ethnographic Essays]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburg State University; 1995, 240 p.
7. *Field materials of the Author. Stavropol region, 2007–2013*.
8. Prozritelev, G. N. *Gibnushchiy narod. Turkmeny i ikh sudba* [The dying people. The Turkmens and their fate]. *Opalnye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz. Antologiya* [Disgraced: Russian Writers discover the Caucasus. The Anthology]. Stavropol: Stavropol State University; 2011, vol. 3, pp. 576–585.
9. Tokalov, I. T. *Stavropolskie turkmeny v kontse XIX – nachale XX v. (Istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [The Stavropol Turkmens in the late XIX – early XX century (The Historical and ethnographic essay)]. *Brusina, O. I. Rossiyskie turkmeny. Tri veka etnicheskoy stoykosti* [The Russian Turkmens: Three Centuries of Ethnic Resilience]. Moscow: IEA RAN; 2019, application 1, pp. 239–294.
10. Tumailov, M. *Turkmeny Severo-Kavkazskogo kraya (Kratkiy istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [The Turkmens of the North Caucasus Region (A brief historical and ethnographic essay)]. Poltorack (Ashkhabad): Turkmengosizdat; 1925, 35 p.
11. Farforovskiy, S. V. *Narodno-yuridicheskie obychai turkmen Stavropolskoy gubernii. Etnograficheskiy ocherk* [Folk legal customs of the Turkmens of the Stavropol province. Ethnographic essay]. *Opalnye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz*.

Antologiya [Disgraced: Russian Writers discover the Caucasus. The Anthology]. Stavropol: Stavropol State University; 2011, vol. 3, pp. 249–255.

12. Farforovskiy, S. V. *Trukhmeny (turkmeny) Stavropolskoy gubernii* [The Turkmens of the Stavropol Province]. Kazan: Tipography Imperatorskogo Universiteta; 1911, 42 p.

13. Khazanov, A. M. *Kochevniki evraziyskikh stepey v istoricheskoy retrospektive* [A Historical Background for The Nomads in the Old World]. *Kochevaya alternativa sotsialnoy evolyutsii* [The Nomadic Alternative of a Social Evolution]. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies RAS; 2002, pp. 26–42.

14. Khazanov, A. M. *Kochevniki i vneshtniy mir* [Nomads and the OutsideWorld]. Almaty: Dayk-Press; 2002, 3rd expanded ed., 604 p.

15. Shcheglov, I. L. *Trukhmeny i nogaytsy Stavropolskoy gubernii: svedeniya o khozyaystve osedlykh i kochuyushchikh inorodtsev, russkikh krestyan i khutoryan ovtsevodov v Trukhmenskoj i Achikulakskoj stepi Stavropolskoy gubernii* [The Turkmens and the Nogais at the Stavropol province: the materials about the economy of settled and nomadic aliens, Russian peasants and sheep farmers in the Turkmen and the Achikulak steppes of the Stavropol province]. Stavropol: Department of State Land Property; 1910, vol. 1, 529 p.

16. Yamskov, A. N. *Ekologicheskie faktory evolyutsii form skotovodstva u tyurkoyazychnykh narodov Severnogo Kavkaza* [Ecological factors of the evolution of forms of cattle breeding among the Turkic-speaking peoples of the North]. *Sovetskaya etnografiya* [The Soviet ethnography]. 1986, no. 5, pp. 22–34.

17. Yarkho, A. I. *K voprosu o vymiraniy malykh narodnostey (Demograficheskie issledovaniya sredi turkmen)* [On the issue of the extinction of small nationalities (Demographic studies among the Turkmens)]. *Sovetskaya Aziya* [The Soviet Asia]. Moscow: 1931, book 1–2, pp. 245–262.

Информация об авторе

Брусина О. И. — кандидат исторических наук.

Information about the author

Brusina O. I. — Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 05.02.2023; одобрена после рецензирования 12.03.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 05.02.2023; approved after reviewing 12.03.2023; accepted for publication 27.03.2023.